O.V.K — X.T.R

ГАДАНИЕ

ТАРО, РУНЫ, ЖРЕБИЙ И ДРУГИЕ ОРУДИЯ

ОРУДИЯ, ДОШЕДШИЕ ДО НАС

O.V.K — X.T.R

ГАДАНИЕ

ТАРО, РУНЫ, ЖРЕБИЙ И ДРУГИЕ ОРУДИЯ

Книга об орудиях, которыми спрашивали древние и спрашивают доныне:
от печени и птиц к оракулу, костям, «Книге перемен», рунам и картам,
о вопросе, случае, раскладе и толковании — и о границе устройства и веры

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Карты не знают будущего; они знают, о чём ты спросил, и отвечают тем, чего ты не решался сказать себе».

— из тетради раскладчика

Книга писана для того, кто раскладывает,
и для того, кто спрашивает.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое гадание 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Печень, птицы и жребий 5
V. Оракулы 6
VI. Что дошло до нас 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем гадание не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Четыре части 11
X. Вопрос 12
XI. Орудие как язык 13
XII. Случай как средство 14
XIII. Расклад 15
XIV. Толкование 16
XV. Спрашивающий 17
XVI. Запись и счёт 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОРУДИЯ

XVII. Таро: устройство колоды 20
XVIII. Таро: старшие арканы 21
XIX. Таро: масти и дворы 22
XX. Ленорман и игральные карты 23
XXI. Руны 24
XXII. «Книга перемен» 25
XXIII. Кости, жребий, геомантия 26
XXIV. Книга, зеркало, гуща 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПОРЧА РЕМЕСЛА

XXV. Гадание как предсказание 29
XXVI. Эффект Барнума 30
XXVII. Многозначность и отбор 31
XXVIII. Гадатель-вымогатель 32
XXIX. Расклад вместо решения 33
XXX. Сбывающее себя 34
XXXI. Сцена и холодное чтение 35
XXXII. Страх и судьба 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего гадание не может 38
XXXIV. Что устройство, а что вера 39
XXXV. Орудие как зеркало 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена гадающего 42
XXXVIII. Правила раскладывающего 43
XXXIX. Правила спрашивающего 44
XL. Заключение: орудие и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

✳

ОСНОВАНИЯ

Откуда пошло искусство спрашивать орудие, чем спрашивали древние,
что из их орудий дошло до нас
и отчего ответ рождается не в орудии, а в толковании

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое гадание

Гаданием зовётся способ получить ответ на вопрос через орудие, которому доверен случай: карты, кости, палочки, руны; и четыре слова в этом определении — вопрос, орудие, случай, ответ — суть четыре части всякого гадания.

Определение отделяет гадание от двух соседей. От *астрологии* — ибо та читает небо, положение которого не случайно и вычислено; о ней отдельная книга. От *предсказания* вообще — ибо предсказатель говорит от себя, а гадающий — от орудия: между спрашивающим и ответом стоит вещь, и вещь эта берёт на себя то, чего не решается сказать человек.

Книга эта стоит рядом с книгами о случае, о символе и о вопросе. Первая — о том, что случай честен и не имеет мнения; вторая — о чтении образов по традиции; третья — об устройстве вопроса. Гадание есть соединение трёх: вопрос, отданный случаю, и ответ, прочитанный по образам.

Различим три вещи, кои в обиходе смешивают. **Орудие** — колода, руны, книга: словарь образов. **Способ** — как случай выбирает из словаря: тасование, бросок, стебли. **Толкование** — как выбранное читается о вопросе. Орудие даёт язык, способ даёт случай, толкование даёт ответ; и ответ рождается в третьем, а не в первых двух.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство: четыре части, вопрос, орудие, случай, расклад, толкование, спрашивающий, запись; третья — орудия, дошедшие до нас: таро, Ленорман, руны, «Книга перемен», кости, книга и гуща; четвёртая — порча ремесла; пятая — граница устройства и веры, орудие как зеркало и правила.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

Русское «гадать» родственно «угадывать» и старому «гадъ» — догадка, мнение: гадать значит искать ответ там, где знания нет; и слово честно — оно не обещает знания.

Латинское divinatio — от divinus, божественный: ответ, приходящий от бога; отсюда «дивинация». Греческое «мантика» — от «мания», исступление: гадание как одержимость, и «мантия» в именах ремёсел — хиромантия, геомантия, картомантия. Латинское sortilegium — «чтение жребия», отсюда французское «колдовство»; sors — жребий, отсюда «сорт» и «ассорти»: жребий делил.

«Оракул» — от orare, говорить, молиться: и место, где спрашивают, и ответ, и говорящий.

Различим слова. *Гадание* — ответ через орудие и случай. *Жребий* — случайный выбор без толкования: кому идти. *Оракул* — учреждение ответа. *Прорицание* — ответ от себя, без орудия. *Расклад* — орудие, выложенное по позициям. *Аркан* — «тайна», имя карт таро, данное в девятнадцатом веке.

«Таро» — от итальянского tarocchi, имени игры пятнадцатого века; происхождение слова неизвестно, и все египетские и еврейские выводы его суть позднейшие сочинения, о чём глава шестая.

Заметим наперёд, что в этой книге *гадание* означает устройство, а не приговор о нём: устройство описывается одинаково для того, кто раскладывает с верой, и для того, кто изучает.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же отделяют ремесло от ярмарочной палатки.

Первое: орудие даёт случай, а не ответ. Тасование, бросок, стебли суть честный случай, о котором книга о случае: он не имеет мнения и не знает вопроса. Что выпало — выпало; и всякое орудие есть прежде всего способ получить непредвзятое.

Второе: ответ рождается в толковании. Выпавшая карта есть образ; образ читается по словарю колоды и по вопросу; и читает человек — со своим знанием, ожиданием и желанием. Толкование есть герменевтика, о которой отдельная книга, и правила её суть правила чтения текста.

Третье: гадание есть беседа с собою, устроенная орудием. Спрашивающий знает о своём деле больше, чем говорит; орудие даёт ему повод сказать и язык, на котором сказать. Что при этом происходит сверх — вопрос веры, о котором глава тридцать четвёртая; что происходит по устройству — предмет второй части.

Из трёх положений выводится и ремесло третьей части, и главная порча, разобранная в главе двадцать пятой: гадание, объявляющее «будет», тогда как оно может сказать «вот что ты видишь».

И заметим родство с книгой об астрологии: там карта неба есть зеркало на языке светил; здесь расклад есть зеркало на языке колоды; и граница устройства и веры проходит в обоих ремёслах в одном месте.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Печень, птицы и жребий

Древние спрашивали всё, что могло дать случай: внутренности жертвы, полёт птиц, брошенные кости; и три эти орудия суть три устройства, живые доныне под иными именами.

Печень. Вавилонские гаруспики читали печень жертвенного барана по картам: глиняные модели с надписями — «если здесь борозда, царь победит» — сохранились. Этруски принесли это в Рим; бронзовая печень из Пьяченцы разделена на области с именами богов. Устройство: орудие с областями, каждая из которых значит своё, — предок расклада, о котором глава тринадцатая.

Птицы. Римский авгур очерчивал посохом область неба и смотрел, откуда и какие птицы летят; вопрос ставился заранее, и ответ был «да» или «нет». Устройство: случай, читаемый по заранее назначенному правилу, — хорарный вопрос, о котором глава десятая.

Жребий. Урим и туммим первосвященника; афинские бобы, которыми выбирали должности; кости в Дельфах, когда пифия молчала; палочки в Китае. Жребий не толкуют: он отвечает «да», «нет» или «этот». Устройство: чистый случай как судья без мнения, о котором книга о случае в главе о случае как средстве.

Чему это учит: три древних орудия — области, правило, чистый случай — суть три части всякого нынешнего.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Оракулы

Оракул есть гадание, ставшее учреждением: с местом, служителями, порядком и записью; и два оракула древности дали образцы, по которым устроено всё позднейшее.

Дельфы. Пифия на треножнике, испарения, невнятная речь и жрецы, переводившие её в стихи. Ответы двусмысленны — Крёз, «разрушивший великое царство», разрушил своё, — и двусмысленность была устройством: оракул не мог ошибиться, ибо не сказал ничего однозначного. О многозначности как устройстве пророчества — книга о знаке и глава двадцать седьмая. Спрашивали государства, и ответ был политикой Греции пять веков.

«Книга перемен». Китайский оракул иного устройства: не служитель, а книга; шестьдесят четыре гексаграммы из шести черт, выпадающих по стеблям тысячелистника; к каждой — текст, суждение, толкование черт. Спрашивающий получает случай и читает сам. Конфуций, по преданию, истёр переплёт; Юнг написал к ней предисловие, о чём глава тридцать пятая. О самой книге — глава двадцать вторая.

Сивиллы — книги пророчеств, хранившиеся в Риме и открывавшиеся сенатом в беду: оракул, ставший архивом.

Общее. Оракул устроен так, чтобы ответ был случаен, толкование — учёным, а запись — проверяемой; и три этих свойства отличают ремесло от гадалки на вокзале доныне.

Чему это учит: гадание, ставшее учреждением, обрастает порядком, о котором вторая часть; и порядок этот старше всякой колоды.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Что дошло до нас

✯

Из древних орудий уцелели немногие, и большинство нынешних моложе, чем думают; знать возраст орудия надлежит прежде, чем его брать.

Таро. Колода родилась в Италии около 1440 года как игра с козырями — tarocchi; козыри изображали аллегории своего времени: Папу, Императора, Смерть, Колесо. Гадать на ней стали в конце восемнадцатого века: Кур де Жебелен объявил её египетской книгой Тота, Эттейла составил первую гадательную колоду, Элифас Леви связал арканы с еврейскими буквами, Золотая Заря — с астрологией, Уэйт и Смит в 1909 году дали колоду, по которой гадает мир. Египет и Гермес в ней — сочинение, и это не умаляет колоды: язык её сложился за два века, и он богат.

Руны. Письмо германцев с второго века; Тацит описал гадание по палочкам с «знаками», и неизвестно, руны ли это. Гадательный смысл рун восстановлен в двадцатом веке по «рунным поэмам» — стихам о значениях букв; орудие древнее, гадание им — молодое.

«Книга перемен» — единственный оракул, дошедший целиком, с текстом трёхтысячелетней давности.

Кости и жребий дошли без перемен. **Геомантия** — арабская, средневековая. **Ленорман** — девятнадцатый век. **Кофейная гуща** — с кофе, семнадцатый.

Правило: *орудие тем честнее, чем честнее сказан его возраст*; и колода, объявившая себя египетской, лжёт о себе прежде, чем о вопросе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

У нас гадание жило в обряде и в словесности, и словесность описала его точнее учёных.

Святки. Двенадцать дней от Рождества до Крещения — время гадания по обычаю: воск в воду, башмачок за ворота, зеркало со свечой, подблюдные песни — кольцо из-под блюда и песня к нему. Жуковский в «Светлане» перечислил всё: «раз в крещенский вечерок девушки гадали». Устройство святочного гадания есть устройство обряда, о котором книга о ритуале: срок, место, порядок, и случай внутри порядка.

Мартын Задека. Сонник и оракул, изданный в конце восемнадцатого века под именем швейцарского старца; Татьяна Ларина гадает по нему в «Онегине», и Пушкин описал устройство: «сей глубокой книги» толкования подходили всему.

«Пиковая дама» — о верной карте, о чём книги о случае и об игре; и о том, что карта, принятая за знание, губит.

Ленорман вошла в Россию в девятнадцатом веке через немецкие колоды и стала «цыганской»; цыганское гадание на картах есть устный обычай, а не традиция книг.

Двадцатый век — запрет и подполье; девяностые — поток, о порче которого четвёртая часть.

Урок линии: у нас гадание было обрядом с сроком и правилом, и словесность видела в нём то, что видит эта книга: язык, случай и человека, говорящего с собою.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем гадание не является

✯

Отсечём лишнее, ибо словом этим зовут и ремесло, и его порчу.

Гадание не есть предсказание. Орудие даёт случай, толкование даёт чтение; «будет» не следует ни из того, ни из другого. О порче — глава двадцать пятая.

Оно не есть знание. Слово «гадать» честно: где знание есть, там не гадают; и ремесло, объявляющее себя знанием, лжёт о своём имени.

Оно не есть астрология. Небо вычислено, карта — выпала; и оттого гадание ближе к жребию, чем к часам.

Оно не есть сцена. Холодное чтение, о котором книга о ментализме, читает лицо спрашивающего и называет это картами; о различии — глава тридцать первая.

Оно не едино: таро, руны, гексаграммы, кости суть разные языки, и словарь одного не годится для другого.

И оно не древнее, чем есть: таро — пятнадцатый век, гадание на нём — восемнадцатый; и честное ремесло знает это.

Что же оно есть? *Вопрос, отданный случаю через орудие, и ответ, прочитанный по словарю орудия и по вопросу*; и что в этом устройство, а что вера — предмет пятой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

✳

УСТРОЙСТВО

Четыре части всякого гадания: вопрос, орудие, случай, толкование;
расклад как порядок вопросов,
спрашивающий как половина ответа и запись как проверка

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Четыре части

Всякое гадание — от печени до карт — состоит из четырёх частей, идущих по порядку; и порча ремесла есть всегда порча одной из них.

Вопрос назначает предмет и область ответа; без него выпавшее не о чём. Глава десятая.

Орудие есть словарь: колода, руны, гексаграммы — набор образов с традицией значений. Глава одиннадцатая.

Случай выбирает из словаря: тасование, бросок, стебли. Он честен и не имеет мнения. Глава двенадцатая.

Толкование читает выпавшее о спрошенном: по словарю, по позиции, по соседям, по спрашивающему. Здесь рождается ответ, и здесь — всё ремесло. Главы тринадцатая и четырнадцатая.

Правило: *прежде расклада назови все четыре; и всякую беду в гадании ищи по частям — дурной вопрос, чужой словарь, подтасованный случай или толкование, читающее себя.*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вопрос

Ответ не лучше вопроса; и правила вопроса к орудию суть правила хорарной астрологии и книги о вопросе, только строже, ибо орудие не переспросит.

Один. Два вопроса в одном раскладе дают ответ на удобный. «Стоит ли менять службу и переезжать?» есть два.

О себе. Вопрос о другом — «что он думает?» — не имеет ответа в орудии, ибо спрашивающий не знает и не может проверить; о третьих спрашивают лишь через себя: «как мне быть с ним».

О деле, не о судьбе. «Выйду ли замуж» есть вопрос к будущему, о котором глава двадцать пятая; «что я не вижу в этом деле» есть вопрос к себе, и на него орудие отвечает.

Впервые и искренне. Переспрошенное трижды получает три ответа, и все три о том, что спрашивающему не понравился первый. Хорарное правило *Лилли*: не спрашивать о том же дважды.

Записанный. Вопрос пишется до расклада — иначе он подгоняется под выпавшее, и ответ читает вопрос, а не наоборот.

Предпосылка — книга о вопросе: «когда всё наладится?» содержит «наладится», и орудие принимает предпосылку молча.

Правило: *один вопрос, о себе, о деле, впервые, письменно, с проверенной предпосылкой*; и половина дурных раскладов есть дурные вопросы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Орудие как язык

✯

Колода есть словарь: столько-то образов с значениями, сложившимися в традиции; и всё сказанное в книге о знаке о коде и системе относится к ней.

Словарь. Семьдесят восемь карт таро, двадцать четыре руны, шестьдесят четыре гексаграммы, тридцать шесть карт Ленорман, шестнадцать фигур геомантии. Всякий образ имеет значение по традиции — записанное в книгах, о которых третья часть, — и значит в системе: Башня значит рядом с Звездой иное, чем рядом с Дьяволом.

Богатство. Словарь должен вмещать человеческое дело целиком: начало и конец, труд и праздность, любовь и вражду, потерю и дар; иначе на вопрос не найдётся образа. Таро вмещает; игральные карты — беднее; кости — лишь «да» и «нет».

Многозначность. Всякий образ значит несколько; это сила языка и его ловушка, о которой глава двадцать седьмая. Честный словарь даёт значения с оговоркой «в позиции», «рядом с», «перевёрнутая».

Чужой словарь. Марсельская карта, прочитанная по Уэйту; руна, прочитанная по таро; гексаграмма, прочитанная по снятому переводу. О чужом коде — книга о знаке. Раскладывающий называет колоду прежде значения.

Свой словарь. Кто гадает годами, у того значения обрастают своим: карта, выпавшая в памятный день, значит и его. Это законно, если записано и не выдаётся за традицию.

Правило: *орудие есть язык; учи его словарь и грамматику прежде расклада, и называй, на каком языке читаешь.*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Случай как средство

Случай в гадании есть не изъян, а устройство: он даёт то, чего спрашивающий не выбрал бы сам, — и в этом его вся польза.

Честность. Тасованная колода не знает вопроса; кость не знает бросающего; стебли не знают руки. О случае как единственном судье без родни — книга о случае в главе о случае как средстве: жребий справедлив тем, что не имеет мнения.

Что случай даёт. Образ, не выбранный желанием. Спрашивающий, выбирающий карту сам, выберет ту, что подтверждает; случай кладёт перед ним Башню, о которой он не хотел думать, — и заставляет думать. Об этом глава тридцать пятая: случай выводит из колеи.

Что случай не даёт. Ответа: выпавшее есть образ, а не сведение; о том, как случайное принимают за значащее, — книга о случае в главе о стрелке из Техаса.

Подтасовка. Плохо тасованная колода помнит прежний расклад; выбор «первой попавшейся» карты глазом не случаен; и раскладывающий, «чувствующий», где нужная карта, гадает рукой, а не орудием. Честное ремесло тасует долго и не смотрит.

Повтор. Переложить, «если не понравилось», значит отменить случай; о переспросе — глава десятая.

Правило: *случай честен, покуда ему не мешают; тасуй долго, не выбирай глазом, не перекладывай*; и помни, что выпавшее не знает тебя — знаешь ты.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Расклад

Расклад есть порядок позиций, и всякая позиция есть вопрос, заданный заранее; печень гаруспика с областями была первым раскладом.

Устройство. Позиции назначены до выкладки: «положение», «помеха», «совет», «исход». Карта, выпавшая в позицию, читается как ответ на вопрос позиции. Расклад есть, по существу, список вопросов, о которых книга о вопросе; и порядок его — воронка: от общего к частному.

Три карты. Простейший: прошлое — настоящее — будущее; или положение — помеха — совет. Довольно для большинства вопросов, и честнее больших: меньше карт — меньше места для подгонки.

Кельтский крест. Десять позиций Уэйта: положение, помеха, основание, прошлое, возможное, ближайшее, спрашивающий, окружение, надежды и страхи, исход. Богат и опасен: десять образов дают любое чтение.

Свой расклад. Позиции придумываются под вопрос: «что я делаю верно», «что упускаю», «чего боюсь». Расклад, составленный под дело, лучше знаменитого.

Правило числа. Чем больше карт, тем больше сочетаний и тем легче прочесть желаемое; о числе попыток — книга о случае. Три лучше десяти для всякого, кто хочет ответа, а не картины.

Правило: *позиции суть вопросы; назначь их до выкладки, письменно, и не более, чем нужно.*

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Толкование

Толкование есть чтение текста, составленного случаем, и правила его суть правила герменевтики: часть по целому, целое по частям, с оглядкой на читающего.

Целое прежде частей. Сперва — весь расклад: сколько старших, сколько какой масти, перевёрнутых, каков общий тон. Потом — карта в позиции. Кто начинает с одной карты, читает слово, не прочтя фразы; об этом же книга об астрологии.

Фраза. Карта в позиции рядом с соседями есть предложение: образ — подлежащее, позиция — обстоятельство, соседи — связи. Башня в позиции «помеха» рядом с Звездой читается иначе, чем в «исходе» рядом с Дьяволом.

Словарь и вопрос. Значение берётся из словаря колоды и сужается вопросом: Тройка Пентаклей о службе значит ремесло, о любви — общее дело. Словарь без вопроса даёт перечень.

Противоречие. Карты противоречат друг другу — и это правило, а не сбой; толкование состоит в том, чтобы найти, как противоречие уживается в деле спрашивающего. Расклад без противоречий прочитан наполовину.

Читающий. Он вносит своё: знание о спрашивающем, желание, ожидание; о своём желании как противнике — книга о наблюдении. Честное толкование сперва записывается, потом говорится.

Правило: *толкование есть чтение, а не расчёт; целое, фраза, словарь по вопросу, синтез противоречий, честность читающего* — те же пять, что у всякого текста.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Спрашивающий

✯

Спрашивающий есть половина ответа: он знает о своём деле больше, чем сказал, и орудие даёт ему повод сказать; и оттого беседа при раскладе есть ремесло не меньшее, чем сам расклад.

Что он приносит. Вопрос, о котором глава десятая; желание услышать, о котором книга о вопросе; и знание дела, которого нет у раскладывающего. Толкование, сделанное без него, есть чтение словаря; с ним — чтение дела.

Как вести беседу. Прочесть карту по словарю вслух — и спросить: «о чём это в вашем деле?» Спрашивающий узнаёт или не узнаёт; и узнавание его есть работа, о которой глава тридцать пятая. Раскладывающий не знает ответа; он даёт язык.

Опасность. Холодное чтение, о котором книга о ментализме: раскладывающий, следящий за лицом, подправляет толкование по отклику и называет это картами. Это порча, о которой глава тридцать первая; и честный толкует прежде, чем смотрит на лицо.

Спрашивающий — сам раскладывающий. Гадание себе есть беседа с собою, устроенная орудием; и правила те же: вопрос письменно, толкование письменно, узнавание отдельно.

Чего не делать. Не спрашивать о желании прежде расклада. Не утешать и не пугать: описывать. Не решать за спрашивающего: карта даёт образ, решение — его.

Правило: *раскладывающий даёт язык и случай; спрашивающий даёт дело и узнавание; ответ рождается между ними, и ничей он не есть целиком.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Запись и счёт

✯

Расклад, не записанный, через неделю помнится как сбывшийся; и запись есть единственное, что отличает ремесло от воспоминания о нём.

Что записывать. Дату и час; вопрос дословно, до расклада; колоду и расклад; выпавшее по позициям; толкование — до беседы; что сказал спрашивающий; и через срок — что вышло.

Отчего. Память переписывается исходом, о чём книга о наблюдении: сбывшееся помнится, несбывшееся забывается, и толкование задним числом подгоняется под то, что случилось. Об этом — книга о случае в главе о задним числе.

Счёт. Записывать и сверять — и узнать свою долю: сколько раскладов сказали нечто, что подтвердилось, сколько — нет, сколько — сказали так, что проверить нельзя. Последних будет больше всего, и это сведение о ремесле, а не о картах.

Дневник раскладов есть и учебник: по нему видно, какие карты значат для тебя своё, какие вопросы дурны, какие расклады подгоняются. Оракулы вели такие записи; *Лилли вёл*; и ремесло без записи есть ремесло без памяти.

Для спрашивающего: записать толкование в тот же час и перечесть через месяц; удивление будет двояким — и о картах, и о себе.

Правило, общее с книгой о случае: *предсказание без записи не есть предсказание; толкование без записи есть сочинение о прошлом*.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

✳

ОРУДИЯ

Таро — колода, старшие арканы, масти и дворы;
Ленорман и игральные карты, руны, «Книга перемен»,
кости, жребий и геомантия, книга, зеркало и гуща

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Таро: устройство колоды

✯

Таро есть семьдесят восемь карт в двух рядах: двадцать два старших аркана без масти и пятьдесят шесть младших в четырёх мастях; и устройство это — игровое, пятнадцатого века, — оказалось годным для языка.

Старшие. Двадцать один нумерованный козырь и Шут без номера: от Мага до Мира. В игре они били масти; в гадании стали образами больших сил и поворотов. Имена — из аллегорий Возрождения: Папа, Императрица, Колесо, Смерть, Суд; о чтении аллегорий — книга о символе.

Младшие. Четыре масти — жезлы, кубки, мечи, пентакли, — в каждой десять числовых карт и четыре двора: паж, рыцарь, королева, король. Масти суть стихии — огонь, вода, воздух, земля, — и оттого области жизни: дело, чувство, мысль, имущество.

Три традиции. Марсельская — гравюры шестнадцатого-восемнадцатого веков, младшие без сцен, только знаки масти; Уэйта — 1909, всякая карта — сцена, словарь Золотой Зари; Кроули — 1944, словарь тот же, образы гуще. Одна карта в трёх колодах читается тремя словарями, о чём глава одиннадцатая.

Возраст. Игра — около 1440 года, Милан и Феррара; гадание — конец восемнадцатого; астрологические и каббалистические соответствия — девятнадцатый. Египта в ней нет, и честное ремесло об этом говорит.

Правило: *прежде расклада назови колоду и её словарь*; семьдесят восемь карт суть семьдесят восемь слов, и словарь у каждой традиции свой.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Таро: старшие арканы

✯

Двадцать два старших читаются как дорога: Шут выходит в путь и проходит через все, и всякий аркан есть ступень; чтение это — девятнадцатого века, и оно удобно.

Начало пути. Шут — выход, незнание, свобода; Маг — умение и воля; Жрица — тайное знание и ожидание; Императрица — плодородие и забота; Император — порядок и власть; Иерофант — учение и обычай; Влюблённые — выбор; Колесница — движение и победа.

Середина. Сила — укрощение; Отшельник — уединение и поиск; Колесо — перемена и случай; Справедливость — мера и воздаяние; Повешенный — жертва и иной взгляд; Смерть — конец и преображение, не гибель; Умеренность — соединение; Дьявол — зависимость и привязанность.

Конец. Башня — крушение ложного; Звезда — надежда; Луна — неясность и страх; Солнце — ясность и радость; Суд — призыв и итог; Мир — завершение и целостность.

Как читать. Старший в раскладе значит, что дело больше спрашивающего: не выбор, а поворот. Много старших — время большое; ни одного — дело будничное. Перевёрнутый — по школе: помеха, задержка или изнанка.

Три слоя из книги о символе: что нарисовано; что значит по словарю; что традиция вложила — Повешенный у Марселя предатель, у Уэйта посвящаемый.

Правило: *старший аркан есть большой образ; читай его как поворот, по словарю колоды и по позиции, и не пугайся Смерти — она значит конец, а концов в жизни много.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Таро: масти и дворы

Младшие арканы суть будни: сорок числовых карт о ходе дел и шестнадцать дворов о людях; и словарь их проще старших, ибо построен из двух осей — масти и числа.

Масти. Жезлы — огонь: дело, воля, замысел. Кубки — вода: чувство, связь, любовь. Мечи — воздух: мысль, спор, решение, боль. Пентакли — земля: имущество, труд, тело, дом. Масть говорит, о какой области жизни карта.

Числа. От туза до десятки — ход дела от начала до полноты; символика чисел, о которой отдельная книга: туз — начало и дар; двойка — выбор и пара; тройка — рост и труд; четвёрка — устойчивость; пятёрка — спор и потеря; шестёрка — согласие; семёрка — испытание; восьмёрка — движение; девятка — полнота; десятка — итог и избыток. Число в масти даёт карту: Пятёрка Мечей — спор с потерей; Десятка Кубков — полнота чувства.

Дворы. Паж — ученик и весть; Рыцарь — действие и путь; Королева — владение изнутри; Король — владение снаружи. В масти — шестнадцать образов людей и сторон человека: Королева Мечей — ясный ум и одиночество; Рыцарь Жезлов — порыв.

Как читать. Двор в раскладе — либо человек в деле, либо сторона спрашивающего; которое — решает вопрос и позиция. У Марселя младшие без сцен, и читаются по масти и числу; у Уэйта — по сцене, и сцена подсказывает.

Правило: *младший аркан есть масть и число; выучи две оси — и сорок карт прочтутся без словаря.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ленорман и игральные карты

Кроме таро дошли две колоды: игральная, на которой гадали раньше таро, и Ленорман — тридцать шесть картинок девятнадцатого века; и обе суть языки беднее таро и оттого проще.

Ленорман. Названа по имени парижской гадалки времён Наполеона, к которой не имеет отношения: колода вышла в Германии после её смерти, в 1840-е годы, из игры «Надежда». Тридцать шесть карт с простыми образами: Всадник, Клевер, Корабль, Дом, Дерево, Тучи, Змея, Гроб, Букет, Коса, Метла, Птицы, Ребёнок, Лиса, Медведь, Звёзды, Аист, Собака, Башня, Сад, Гора, Дороги, Мыши, Сердце, Кольцо, Книга, Письмо, Мужчина, Женщина, Лилии, Солнце, Луна, Ключ, Рыбы, Якорь, Крест. Образы бытовые, значения узкие: Письмо есть письмо, Дом есть дом.

Чтение. Не по одной, а парами и рядами: карта значит вместе с соседкой — Всадник и Письмо: весть; Коса и Дерево: болезнь. «Большой расклад» из всех тридцати шести есть карта дела целиком. Язык этот ближе к грамматике, чем таро: слова малы, смысл в сочетании.

Игральные карты. Пятьдесят две или тридцать шесть; масти те же, что в таро, без старших и с тремя дворами; гадание на них старше таро и живёт в устном обычае: «цыганское», святочное. Словарь беден — «дорога», «казённый дом», «дама» — и оттого общ, о чём глава двадцать шестая.

Правило: *Ленорман читают сочетаниями, игральные — по обычаю, и ни те, ни другие — по словарю таро.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Руны

Руны суть письмо германцев, ставшее орудием гадания; двадцать четыре знака Старшего футарка — словарь, и возраст его двоякий, о чём надлежит сказать честно.

Письмо. Футарк — по первым шести знакам, как «азбука». Три ряда по восемь — эттиры. Всякий знак имеет имя: Феху — скот, имущество; Уруз — тур, сила; Турисаз — великан, шип; Ансуз — бог, речь; Райдо — путь; Кеназ — факел; Гебо — дар; Вуньо — радость; и далее до Отала — наследие — и Дагаз — день.

Гадание. Тацит в первом веке писал, что германцы бросали на белую ткань палочки со знаками и читали три; знаки ли это руны — неизвестно. «Рунные поэмы» девятого-пятнадцатого веков дают строфу на каждое имя — и по ним в двадцатом веке восстановлен гадательный смысл. Орудие древнее; гадание им — молодое, и «Пустая руна» придумана в 1980-е годы.

Способ. Одна руна на вопрос; три — положение, помеха, совет; бросок горсти на ткань, где читают выпавшие вверх. Перевёрнутые — по школе.

Словарь. Имена рун суть вещи северного мира: скот, лёд, град, тис, лошадь; и читаются они как образы этих вещей о деле спрашивающего. Язык суров и краток: двадцать четыре слова против семидесяти восьми.

Правило: *руны читай по именам и поэмам, а не по таро; и знай, что гадание ими моложе их самих.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Книга перемен»

✯

«Ицзин» есть единственный оракул древности, дошедший целиком — с орудием, способом и текстом; и устройство его совершеннее всех позднейших.

Орудие. Шестьдесят четыре гексаграммы — фигуры из шести черт, сплошных или прерванных; всякая составлена из двух триграмм — неба, земли, грома, воды, горы, ветра, огня, озера. К гексаграмме — имя, суждение, образ; к каждой черте — своё слово. Тексты — первое тысячелетие до нашей эры; толкования — «Десять крыльев» — приписаны Конфуцию.

Способ. Пятьдесят стеблей тысячелистника, делимых по правилу восемнадцать раз, дают шесть черт снизу вверх; проще — три монеты, брошенные шесть раз. Черта бывает старой — изменяющейся: она переходит в противоположную и даёт вторую гексаграмму, куда идёт дело.

Чтение. Первая гексаграмма — положение; изменяющиеся черты — что в нём движется; вторая — куда. Текст многозначен и стар; переводов много, и Вильгельм с предисловием Юнга есть тот, по которому читает Запад.

Отчего совершенен. Вопрос, случай и словарь разведены строго: случай даёт фигуру, книга даёт текст, спрашивающий читает — и нет гадателя, который мог бы подправить. Оракул без служителя.

Правило: *«Книгу перемен» читают сами, по тексту, зная, что черты меняются; и она есть образец того, как устроено честное гадание.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Кости, жребий, геомантия

Три орудия, где словарь мал, а случай чист; и они честнее богатых колод тем, что не дают места подгонке.

Кости. Астрагалы — бабки овцы с четырьмя гранями — бросали греки и римляне; кубические кости — всюду. Ответ по числу или по таблице: столько-то очков — такой-то ответ. Домино — те же кости в пластинах. Словарь — таблица, и таблицы эти составлялись в книгах судеб от античности до «Оракула» Задеки.

Жребий. Бобы, палочки, бумажки: «да» и «нет», «этот» и «тот». Без толкования; и оттого жребий есть чистейший случай, о котором книга о случае: судья без мнения. В Писании жребием делили землю и выбирали апостола; в Афинах — должности. Бросить монету перед решением — жребий, и о нём глава тридцать пятая: не для ответа, а чтобы узнать, чего хочешь, когда монета уже в воздухе.

Геомантия. Арабское «ильм ар-рамль», наука песка: наугад ставят четыре ряда точек, считают чёт и нечет, получают фигуру из четырёх черт; шестнадцать фигур с именами — Путь, Народ, Соединение, Тюрьма, Дракон, — ставятся в щит и читаются как дома астрологии. Средневековая Европа взяла её у арабов; Агриппа описал. Орудие — между костями и гексаграммами.

Правило: *где нужен ответ «да» или «нет» — бери жребий; где нужна картина — колоду; и не спрашивай у костей о том, о чём они не умеют.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Книга, зеркало, гуща

Кроме колод и костей дошли орудия, где случай даёт не образ из словаря, а сырую вещь — строку, пятно, отражение, — и толкование делает всё.

Книга. Библиомантия: открыть наугад и прочесть первую попавшуюся строку. «Вергилиевы жребии» в Риме; Августин, услышавший «возьми, читай» и открывший Послание; Псалтирь и Пушкин у нас. Случай честен — строка не выбрана; словарь — вся книга; и строка читается о вопросе так, как читается многозначный текст, о чём книга о герменевтике.

Зеркало. Катоптромантия: смотреть в зеркало со свечой, покуда не увидишь; святочное гадание на суженого. Здесь случай есть усталость глаза и ожидание, и видят то, что ждут, о чём книга о наблюдении. Орудие это — о спрашивающем целиком.

Гуща. Кофейная и чайная: пятна на дне читают как образы — птица, дорога, кольцо. Случай честен; словарь — ум читающего, находящий лица в облаках, о чём книга о случае в главе о стрелке из Техаса. Орудие честное и о читающем более, чем о вопросе.

Воск и олово. Лить в воду и читать тень отливки на стене; святочное. Тот же случай, тот же словарь.

Сон — орудие, которое приходит само; о его чтении отдельная книга.

Правило: *орудие без словаря читает читающего; и это не порок, если помнить, чьё лицо в гуще.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

✳

ПОРЧА РЕМЕСЛА

Гадание как предсказание, эффект Барнума, многозначность и отбор,
вымогатель, расклад вместо решения, сбывающее себя,
сцена и холодное чтение, страх и судьба

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Гадание как предсказание

✯

Первая порча есть та, ради которой к гадателю идут: «что будет?»; и ремесло, ответившее «будет то-то», вышло за пределы своего устройства.

Отчего невозможно. Случай не знает будущего, о чём книга о случае; словарь знает образы, а не события; толкование читает спрашивающего. Ни одна из четырёх частей не содержит завтрашнего дня.

Отчего кажется возможным. Общее сбывается всегда; многозначное сбывается по толкованию; сбывшееся помнится; и предсказанное влияет на предсказанного. Четыре устройства, о которых главы двадцать шестая, двадцать седьмая и тридцатая; и все они суть устройства памяти и речи, а не карт.

Что честно. Описывать положение, помеху, склонность и совет — то, что в раскладе есть; и говорить «время для», а не «будет», как в книге об астрологии. Позиция «исход» читается как «куда идёт при нынешнем ходе», а не «чем кончится».

Признак порчи — глагол: «встретите», «получите», «случится». Честное ремесло говорит: «здесь Башня — что в вашем деле готово рухнуть?»

Для спрашивающего: услышав «будет», спросить: откуда карта это знает? Ответа нет, и это ответ.

Правило: *гадание описывает, а не предсказывает; и всякое «будет» есть либо порча, либо оговорка, которую забыли произнести.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Эффект Барнума

В 1948 году Форер дал студентам один портрет, сказав, что он составлен для каждого; они оценили точность на четыре с лишним из пяти; и всякий, кто читает карты другому, обязан знать это имя.

Устройство. «Вы стремитесь к признанию, но сомневаетесь в себе»; «в прошлом была потеря, которую вы не отпустили»; «вас ждёт перемена» — подходит всем, и всякий узнаёт себя. Узнавание есть работа слушающего, а не карт.

В гадании. Словарь колоды богат, и всякую карту можно прочесть общо: Колесо — «перемены», Кубки — «чувства», Мечи — «трудности». Толкование из общих мест принимают за точное, и это соблазн раскладывающего: общее безопасно и всегда «сбывается».

Проверка. Прочесть спрашивающему два толкования — его расклада и чужого — без указания, которое чьё; если не отличит, толкование было общим. О той же проверке — книга об астрологии.

Что помогает. Частное вместо общего: не «перемены», а «что в вашем деле сейчас на повороте?»; проверяемое вместо непроверяемого; и то, что не подойдёт: в раскладе есть и оно, и честное чтение его называет.

Правило: *толкование ценно тем, что можно не узнать*; и раскладывающий, у которого узнают всё, читает Барнума, а не карты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Многозначность и отбор

✯

Дельфийский оракул не ошибался, ибо не говорил однозначного; и всякое гадание сбывается тем же устройством — многозначностью ответа и отбором сбывшегося.

Многозначность. Карта значит несколько; расклад из десяти даёт тысячи чтений; и после события находится то, что «предсказало». Крёз разрушил царство — своё. О многозначности как устройстве пророчества — книга о знаке.

Отбор. Из десяти толкований сбывшиеся два помнятся, восемь забываются; о задним числе — книга о случае. Дневник раскладов из главы шестнадцатой обнаруживает это за месяц.

Число попыток. Кто гадает еженедельно, тот за год получает полсотни раскладов; при таком числе несколько совпадут с событиями точно — по закону истинно больших чисел из книги о случае, — и о них расскажут.

Растяжимое чтение. «Встреча с тёмным человеком» находит себе встречу; «перемены в доме» — перемены. Толкование, которому событие не может возразить, есть сочинение, о чём книга о герменевтике.

Что помогает. Записать толкование до события, точно и проверяемо; сверить через срок; считать не сбывшиеся, а долю сбывшихся против ожидаемого случайно. Кто ведёт такой счёт, тот знает цену ремесла и своего в нём; и цена эта, как сказано в книге о случае, есть не в предсказании, а в другом, о чём глава тридцать пятая.

Правило: *сбывшееся есть свойство памяти и языка; ремесло измеряется записью, а не воспоминанием.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Гадатель-вымогатель

Ремесло, имеющее дело со страхом и надеждой, привлекает тех, кто ими торгует; и наряд гадателя надет на половину афер, о которых книга об обмане.

Порча и снятие. «На вас порча», «венец безбрачия», «родовое проклятие» — и за снятие плата, повторная и растущая. Приманка — страх; легенда — дар и род; малый шаг — первый расклад «бесплатно». Всё по частям аферы из книги об обмане.

Зависимость. «Приходите перед каждым делом»; спрашивающий, разучившийся решать без карт, о чём следующая глава. Честное ремесло учит читать самому и отпускает.

Признаки: пугает; обещает исправить; плата вперёд и повторно; запрет спрашивать других; тайна; «только я могу». Всякий из них есть признак обмана, а не гадания.

Честное ремесло имеет цену за работу — расклад и толкование — и не имеет цены за «снятие», ибо снимать нечего: карты описывают, а не насылают.

Для спрашивающего: отсрочка, третий, вопрос об источнике выгоды — из книги об обмане; и вопрос к гадателю: что вы сделаете с моими деньгами и что сделаю я с вашим толкованием.

Правило: *гадатель, продающий избавление от того, что нагадал, продаёт страх дважды*; и ремесло, знающее себя, не пугает, ибо ему нечем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Расклад вместо решения

Орудие даёт язык для беседы с собою; порча начинается, когда язык заменяет решение, и человек спрашивает карты о том, о чём должен спросить себя — и ответить.

Устройство. Решение неприятно: оно требует ответственности; расклад приятен: он даёт образ и снимает ответственность — «карты сказали». Это отговорка, о которой книга о воле, и бегство от решения в наряде ремесла.

Признаки. Расклад перед всяким делом; переспрос до желаемого; невозможность решить, не разложив; и «карты сказали» как довод в споре с людьми.

Чем вредно. Не самим раскладом, а тем, что решение принято не своё: о чужой воле — книга о воле; и карта, принятая за приказ, есть чужая воля без хозяина.

Мера. Расклад законен как способ увидеть дело иначе, о чём глава тридцать пятая; незаконен как замена решения. Различие: после расклада решает человек, и решает вопреки картам, если так видит.

Что помогает. Раскладывать о том, что не видишь, а не о том, что делать; не раскладывать дважды; и правило монеты из главы двадцать третьей: если, покуда монета летит, ты уже знаешь, чего хочешь, — монета сделала своё, и решать тебе.

Правило: *орудие показывает, человек решает; и решение, принятое картами, не принято никем.*

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Сбывающее себя

Предсказанное влияет на предсказанного, и гадание сбывается отчасти потому, что его услышали; об этом устройстве — книга о внушении, здесь — его вид в ремесле.

Устройство. Услышавший «беду в дороге» осторожен — или скован; услышавший «встречу» ищет её — и находит; услышавший «предательство друга» подозревает — и получает то, что подозревал. Слово гадателя есть внушение, и оно действует по правилам внушения: уверенно сказанное, от лица с даром, в час, когда спрашивающий открыт.

Дурная сторона. Гадание о беде производит беду: ожидание замечает и создаёт. Оттого честное ремесло не пугает, о чём глава двадцать восьмая, и не говорит о болезни, смерти и разрыве как о предсказанном.

Добрая сторона. Гадание о возможности производит попытку: услышавший «время для дела» пробует — и удача есть число попыток, о чём книга о случае. Здесь внушение честно, ибо не обещает, а разрешает.

Для раскладывающего: знать, что говоришь в будущее, а не о нём; и выбирать слова, которые, сбывшись, не повредят.

Для спрашивающего: заметить, что услышанное стало ожиданием; и спросить, хочешь ли ты этого ожидания.

Правило: *гадание не предсказывает, но внушает; и раскладывающий отвечает за то, что внушил, как за сказанное в лицо.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Сцена и холодное чтение

Гадалка на вокзале не читает карт: она читает лицо и называет это картами; устройство её ремесла разобрано в книге о ментализме, и здесь — как отличить сцену от ремесла.

Холодное чтение. Общее утверждение — отклик по лицу — уточнение по отклику. «Вижу потерю» — дрогнуло — «недавнюю, мужчину» — кивок — «отца». Карты при этом лежат для вида; читается спрашивающий. О чтении лица и о том, что оно читает состояние, а не содержание, — книга о жесте.

Тёплое чтение. Сведения, добытые до встречи: разговор в очереди, помощник, вопросы «между делом». Об этом же — книга об обмане в главе о легенде.

Признаки сцены: толкование меняется по лицу; вопросы к спрашивающему прежде расклада; общее, уточняемое по отклику; уверенность без записи; и то, что карты не названы.

Признаки ремесла: вопрос записан; колода названа; толкование сперва сказано по словарю, потом спрошено «о чём это у вас»; частное; и запись с сроком.

Ловушка для честного. Всякий раскладывающий при спрашивающем невольно читает лицо; и оттого честное ремесло толкует письменно до беседы, как велит книга об астрологии.

Правило: *если толкование меняется от вашего лица, читают вас, а не карты*; и ремесло отличается от сцены тем, что закрывает глаза, читая.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Страх и судьба

✯

Карта Смерти в раскладе пугает, и страх этот есть последняя порча: чтение образа как приговора; ремесло отвечает на неё так же, как астрология отвечала стоикам.

Смерть. Тринадцатый аркан значит конец и преображение — конец дела, поры, привычки; о гибели он говорит не чаще прочих. Башня — крушение ложного; Дьявол — привязанность; Десятка Мечей — дно, после которого вверх. Страшные образы суть образы перемены, и словарь всякой колоды говорит это на первой странице.

Рок. «Карты сказали — значит, так и будет» есть фатализм, снимающий ответственность; о том, что вера в отсутствие воли действует как её отсутствие, — книга о воле. Гадание, читаемое как рок, отнимает у спрашивающего то, за чем он пришёл.

Свобода. «Склоняют, не принуждают» — правило, взятое у астрологии: расклад описывает положение и склонность, а поступок остаётся за человеком. Позиция «исход» есть «куда идёт при нынешнем ходе»; и нынешний ход можно переменить — ради этого и спрашивали.

Для раскладывающего: не произносить страшных образов как событий; объяснять словарь; и спрашивать: что в вашем деле кончается? — вместо «вас ждёт конец».

Для спрашивающего: помнить, что орудие даёт язык, а не приговор; и уходить от расклада свободнее, чем пришёл.

Правило: *образ не есть событие; конец не есть гибель; расклад описывает, человек решает.*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

✳

ГРАНИЦА

Чего гадание не может, что в нём устройство, а что вера,
орудие как зеркало,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего гадание не может

✯

Соберём пределы, ибо орудие, вмещающее всё, соблазняет думать, что оно знает всё.

Оно не предсказывает событий. Ни одна из четырёх частей не содержит будущего; о том, отчего кажется, что содержит, — четвёртая часть.

Оно не знает о третьих. Вопрос о другом — «что он думает» — не проверяем и не отвечаем; орудие отвечает спрашивающему о нём самом.

Оно не заменяет знания дела. Расклад о болезни не есть диагноз, о деньгах — не расчёт, о суде — не закон; и честное ремесло отсылает к врачу, счётчику и юристу.

Оно не едино: таро, руны, гексаграммы суть разные языки, и словарь надлежит называть.

Оно не свободно от толкующего и от спрашивающего: оба вносят своё, и своё это есть половина ответа.

Оно не даёт решения: орудие показывает, человек решает; о раскладе вместо решения — глава двадцать девятая.

И оно не говорит о должном: из того, что выпала Башня, не следует, как поступить.

Кто знает эти пределы, тот пользуется орудием как языком — чтобы спросить себя и услышать — и не требует от него власти над завтрашним днём.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Что устройство, а что вера

✵

Книга обещала эту границу с первой главы; проведём её по четырём частям, названным там.

Вопрос — устройство. Правила вопроса — один, о себе, впервые, письменно — не требуют веры и проверяются тем, получен ли ответ.

Орудие — язык. Карты, руны, гексаграммы суть словари с традицией значений, последовательные и переводимые друг на друга; язык не требует веры — лишь знания кода.

Случай — устройство. Тасование даёт непредвзятое. Что случай выбирает *случайную* карту — устройство; что *нужную* — вера; и польза расклада, о которой следующая глава, стоит на первом.

Толкование — ремесло на всех трёх; честно оно, покуда знает, на чём стоит в каждую минуту.

Связь случая с вопросом — вера. Юнг назвал её синхронистичностью, о чём книга о случае; она принимается или нет, мерой не подтверждена, и книга этого не решает: решить может лишь тот, кто раскладывает о себе.

> Вопрос и случай — устройство; словарь — уговор;
> связь — вера; и честное ремесло
> знает, на чём стоит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Орудие как зеркало

✯

Что остаётся от гадания, когда предсказание отставлено? Остаётся зеркало — способ спросить себя на языке, который даёт слова и порядок; и это не мало.

Устройство зеркала. Спрашивающий знает о своём деле больше, чем сказал себе; орудие даёт три вещи: *язык* — образы, которыми можно назвать то, что не имело имени; *порядок* — позиции, которые велят посмотреть на дело с сторон, о которых не думал; *случай* — образ, не выбранный желанием, который выводит из колеи. Об этом же книга о времени говорит о монете как выходе из привычного.

Юнг написал предисловие к «Книге перемен» и сказал, что пользуется ею как собеседником, чей ответ надлежит понять, а не проверить; и что польза её не зависит от того, знает ли она будущее.

Чем зеркало полезно. Даёт слова тому, что не имело слов; даёт порядок разговору о деле; даёт повод увидеть то, чего избегал; и даёт случай — образ, который не выбрал бы сам. Всё это делают и иные способы — вопрос себе, дневник, третий; и орудие делает это в один час.

Чем опасно. Барнумом: узнать себя во всём. Роком: принять образ за приговор. И подменой: расклад вместо решения.

Мера. Зеркало показывает; смотрящий решает; и отходит от зеркала к делу. Кто остался у зеркала, тот гадает, а не спрашивает.

Правило: *орудие есть зеркало на языке образов; спроси, посмотри, узнай или не узнай — и отойди к делу.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

Орудию учатся, как языку: словарь, грамматика, чтение, беседа; и упражнения здесь суть упражнения языка и честности.

Словарь. Одна карта в день: рассмотреть, назвать три слоя по книге о символе, записать значение по словарю колоды и своё. Через три месяца — вся колода.

Вопрос. Прежде всякого расклада написать вопрос и проверить по главе десятой: один *ли*, о себе *ли*, впервые *ли*, что в предпосылке.

Три карты. Раскладывать только три, месяц; записывать толкование до беседы; сверять через срок.

Барнум. Написать толкование своего расклада и чужого; дать другу без подписи; узнает *ли*.

Глаголы. Перечитать свои толкования, отмечая «будет» и «время для»; переписать первое во второе.

Счёт. Дневник раскладов: через полгода сосчитать, сколько толкований проверяемы и сколько подтвердились.

Чтение. Уэйт «Иллюстрированный ключ»; Вильгельм с предисловием Юнга; рунные поэмы; и книги о символе, о случае и о вопросе.

Правило упражнений то же, что всюду: ежедневно, помалу, с записью; об удержании — книга о воле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена гадающего

✯

Соберём ежедневные правила для того, кто берёт в руки орудие — себе или другим.

Знай, на чём стоишь: спрашиваешь, читаешь язык, принимаешь случай или веришь.

Вопрос письменно, до расклада; один, о себе, впервые.

Колоду назови и словарь её знай.

Тасуй долго, не смотри, не перекладывай.

Позиции назначь до выкладки; три лучше десяти.

Целое прежде частей; фраза, не слово; противоречие — правило.

Толкуй письменно, до лица; потом спроси «о чём это у вас».

Частное, не общее; «время для», не «будет».

Не пугай и не спасай; Смерть значит конец.

Не решай за спрашивающего и не позволяй картам решать за себя.

Записывай и сверяй через срок.

Отходи от зеркала к делу.

Правила эти строги, и строгость есть достоинство ремесла, чей язык вмещает всё: без неё оно скажет всё и не скажет ничего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила раскладывающего

Соберём правила для того, кто раскладывает другому.

Не спрашивай о желании прежде расклада; не спрашивай ни о чём, кроме вопроса.

Проверь вопрос по четырём правилам и поправь его вслух, если дурен.

Назови колоду и расклад и объясни позиции.

Дай тасовать спрашивающему, если он хочет: случай его.

Прочти целое, потом карты по позициям, по словарю, — и лишь потом спроси, о чём это.

Не смотри на лицо, читая; смотри, спросив.

Говори частное и проверяемое; называй и то, что не подойдёт.

Не предсказывай событий; описывай положение, помеху, склонность, совет.

Не торгуй избавлением: снимать нечего.

Запиши вопрос, расклад и толкование; отдай спрашивающему копию.

Отпусти: научи читать самому и не делай зависимым.

И помни, что раскладывающий отвечает за три вещи разом — за случай, который не подтасовал, за язык, который знает, и за то, что спрашивающий унесёт с собою как ожидание.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила спрашивающего

✯

И правила для того, кто спрашивает орудие — сам или через другого, — чтобы взять от ремесла зеркало и не взять рока.

Спроси себя прежде орудия: что я хочу узнать и что я уже знаю.

Спроси о себе и о деле, не о судьбе и не о третьих.

Спроси однажды.

Спроси, какая колода и по какому словарю читают.

Слушай глаголы: «время для» — ремесло; «будет» — порча.

Ищи, чего не узнал: узнал всё — это Барнум.

Заметь, меняется ли толкование от твоего лица; если да — читают тебя.

Не плати за снятие; плати за работу.

Запиши и перечти через месяц.

Реши сам — и вопреки картам, если так видишь; расклад показывает, ты решаешь.

Отойди от зеркала к делу.

И помни, что спрашивающий читает текст о себе, составленный случаем и прочитанный другим на старом языке; и всё, что сказано в книге о герменевтике о чтении текста, относится к нему прежде, чем к картам.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: орудие и мера

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Гадание есть *вопрос, отданный случаю через орудие, и ответ, прочитанный по словарю орудия и по вопросу*; частей в нём четыре — вопрос, орудие, случай, толкование, — и ответ рождается в четвёртой. Древние спрашивали печень, птиц и жребий; до нас дошли карты, руны, гексаграммы, кости, книга и гуща, и возраст каждого орудия честнее сказать, чем сочинить.

Орудие есть язык со словарём и грамматикой; случай честен, покуда ему не мешают; расклад есть список вопросов; толкование есть чтение — целое, фраза, словарь по вопросу, синтез противоречий, честность читающего. Спрашивающий есть половина ответа, и запись есть единственная мера ремесла.

Порча его — предсказание, Барнум, многозначность с отбором, торговля страхом, расклад вместо решения, внушение, сцена и рок — узнаётся по глаголу «будет» и по тому, что спрашивающий уходит зависимее, чем пришёл. Вопрос и случай суть устройство, словарь — уговор, связь — вера; и честное ремесло знает, на чём стоит.

И последнее. Карты не знают будущего; они знают, о чём ты спросил. *Орудие есть зеркало на языке образов: спроси, посмотри, узнай или не узнай — и отойди к делу.* Кто отошёл, тот спрашивал; кто остался у зеркала, тот гадал. На этом стоит и орудие, и мера.

ГАДАНИЕ

Таро, руны, жребий и другие орудия

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм

